

3. Полянская И. Тихая комната // Новый мир. 1995. №3. С. 17–25.
4. Россия сегодня: Интернет-портал [Электронный ресурс] режим доступа: <https://ria.ru/interview/20160301/1382525469.html> (дата обращения : 23.09.2017).
4. Федоров Е. Жареный петух. М.: Carte Blanche, 1992. 256 с.
5. Шаламов В. Воскрешение лиственницы. Кн. 1. М.: Художественная литература, 1990. 288 с.
6. Яхина Г. Зулейха открывает глаза. М.: АСТ, 2017. 508 с.

I.V. Nekrasova, M.A. Burlakova
(Samara)

FEATURES OF THE CAMP THEME IN MODERN RUSSIAN LITERATURE

Abstract: *the article discusses the works of modern Russian literature, continuing the tradition of the so-called «camp» prose. A number of texts devoted to the perception, the interpretation of the current authors personality Varlam Shalamov, and other works in one way or another demonstrate the continuation of the traditions of camp prose today.*

Keywords: *camp theme, reception, Shalamov principles, absolute evil, the dehumanization.*

Г.В. Заломкина
(Самара)

СЛОМ ПЛЕНА ИДЕОЛОГИИ КАК КЛЮЧЕВОЙ ПОСЫЛ ТВОРЧЕСТВА В. ПЕЛЕВИНА

Аннотация: *Основополагающий для произведений В. Пелевина мотив выхода за пределы восприятия и обретения знания, независимого от навязанной герою картины мира, исследуется как философский вектор, нацеленный на деконструкцию любой идеологии, достаточно изощренной и властной, чтобы подчинить себе мировосприятие человека, погрузив его в «матрицу» искаженных представлений.*

Ключевые слова: *трансценденция, деконструкция, матрица, iPhuck 10, авторская позиция.*

XX век — век идеологий, причем тоталитарного толка, и к такому можно отнести не только сформированную в результате Октябрьской революции советскую или противостоявшую ей национал-социалистическую, но и в какой-то степени так называемую «западную», во многом основанную на конsumerистских ценностях, равным образом подавляющую личность. Такое подавление менее очевидно, поэтому в антиутопиях, экстраполирующих главные векторы общественного развития, общество пряника фигурирует гораздо реже, чем общество кнута. Виктор Пелевин, на протяжении всего своего творческого пути размышляющий о путях, которые накладывает на человека навязанное восприятие, приходит к мысли не только об опасности хакслиевского дивного нового радужного и сладкого мира — идеологической конструкции, маскирующейся под антиавторитарную а-идеологичность, но и о невозможности выхода за пределы той или иной идеологии. Остается только выбирать из двух зол, но делать это писатель отказывается.

Ранние произведения В. Пелевина («Желтая стрела», «Затворник и шестипалый») основывались на развернутом наглядно-пространственно мотиве выхода за пределы восприятия и обретенного знания, независимого от навязанной герою картины мира.

Мир «Желтой стрелы» ограничен поездом, который едет без остановок, главный герой — один из немногих пассажиров, способных осознать и ездку и гипотетическую возможность поезд покинуть. На протяжении всего повествования Андрей пытается выйти за границы ординарной реальности, прибегая к разнообразным ухищрениям и обдумывая эффективность способов, которые применяют другие «избранные» — прыгнуть на ходу, выбравшись через с трудом открытое окно на крышу, украсть у проводника ключ от двери вагона и т.п. В «Затворнике и Шестипалом» сходная схема работает в мире птицефермы, обитатель которой, инкубаторский цыплёнок, проходит путь осознания ограниченности своей реальности, формирования навыка полёта как средства преодоления трансцендентной преграды, в данном случае — окна здания, и выхода во «внешний» — просторный, бесконечный мир света. В обоих случаях Пелевин применяет приём остранения: в зачине картина реальности даётся с «внутренней» точки зрения, с позиции существа, ничего не знающего о назначении конструкции, в которой он живет, и которую считает всем миром. Требуется духовное и физическое усилие, чтобы прорвать пелену устоявшихся представлений и выбраться на свободу.

Код такого рода трансцендентного перехода в целом сформировал раннее творчество Пелевина, основным содержанием которого стало исследование принципиальной возможности, техники и вероятных последствий преодоления преград восприятия.

Романтически-обобщающее восприятие трансценденции варьируется конкретизацией механизмов выстраивания и навязывания картины реальности: аллегорические предзаданные пространственные формы уступают место «общепринятым» идеологическим конструкциям, замыкающим человека в жесткие рамки представлений о мире. В романе «Омон Ра», ряде рассказов («Спи», «День бульдозериста» и др.) слову подвергаются составляющие советской идеологии.

В романе «Чапаев и Пустота» деконструкции подлежит не только легендарный образ красного комдива, но и революционная мифология в целом, инструментом становится экстракт из дальневосточных учений, в силу своей экзотичности и сугубой несовместимости с советской идеологией срабатывающий как тот самый глиняный пулемёт, сделанный из мизинца будды Анагамы, который *«указывал на вещи... и сразу же после этого проявлялась их истинная природа»* [Пелевин 1998: 362]. Пулемет уничтожает полностью мир — то есть совокупность представлений о реальности. В «Чапаеве и Пустоте» сохраняется оптимистическая возможность, по выражению барона Юнгерна, *«выйти из дома умалишенных на свободу»* [Пелевин 1998: 266], то есть окончательно освободиться из «матрицы», прорваться к истинной картине мира.

В последовавших за «Чапаевым» произведениях («Generation П», «Священная книга оборотня», «Empire V») Пелевин разработал многообразие полупародийных космогонических конструктов, работающих на подрыв привычного читательского представления о реальности как таковой. Однако первоначальная радостная возможность выхода за пределы идеологической матрицы проблематизируется: обнаружение правды либо оборачивается очередной фикцией, либо оказывается запредельно мрачным — как в романе «Любовь к трём цукербринам», когда герой, сбрасывая с себя морок сладкой виртуальной реальности, обнаруживает, что совокуплялся не с женой, а с разлагающимся телом исламского террориста.

Точку иронизации в развёртывании у Пелевина темы трансценденции можно обнаружить в конце повести «Операция Burning Bush» из сборника «Ананасная вода для прекрасной дамы»: протагонист Семён Левитан освобождается от тяжелых, фантазмагори-

ческих обязательств перед спецслужбами, в процессе выполнения которых ему открываются истинное устройство мира, в данном случае обоснованное «Розой мира» Даниила Андреева. Сцена содержит явную отсылку к финалу «Жёлтой стрелы».

«Желтая стрела»:

«Он повернулся и пошел прочь. Он не особо думал о том, куда идет, но вскоре под его ногами оказалась асфальтовая дорога, пересекающая широкое поле, а в небе у горизонта появилась светлая полоса. Громыхание колес за спиной постепенно стихало, и вскоре он стал ясно слышать то, чего не слышал никогда раньше: сухой стрекот в траве, шум ветра и тихий звук собственных шагов» [Пелевин 1996: 286].

«Операция Burning Bush»:

«Я протиснулся между стенкой и металлическим турникетом, толкнул дверь и оказался на свободе. Она встретила меня свежим ночным ветром и таинственным треском насекомых.

Я пошел к темной стене деревьев — туда, где от дороги отходила ведущая к железнодорожной платформе тропинка» [Пелевин 2010: 132].

Оптимистический открытый финал «Желтой стрелы» в «Операции» оборачивается новым поворотом в судьбе Левитана, которому очередные хозяева реальности «нашли других папу и маму» — происходит смена одного плена на другой.

В ряде позднейших романов («S.N.U.F.F.», «Бэтман Аполло», «Любовь к трём цукербринам», «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами», «iPhuck 10»), гротескно наращивается ощущение тотальности идеологии, изошренность и властность которой в состоянии полностью подчинить мировосприятие человека. Стереотипизирующей, закабаляющей системой мышления и поведения оказывается и преобладающие сегодня в странах Западной Европы и США умонастроения: понятия прогресса, демократии, толерантности, разнообразия и равноправия восприняты писателем как орудия эстетического, этического, интеллектуального и даже физического диктата. Подробный разрез темы регулярно в последнее время навлекает на Пелевина обвинения в консерватизме, дидактизме, охранительных помрачениях стареющего интеллектуала. Обвиняющие не замечают, что «противоположная» система мировосприятия подвергается равноценной деконструкции.

В романах «iPhuck 10» с одинаковой свифтовской ядовитой иронией представлены и российская система с монархами, клонированными из волоса левого уса Никиты Михалкова, и американс-

кая с показательными названиями стран перекроенного континента: «Экран заполнила карта Северной Америки — синяя подкова с надписью «United Safe Spaces of America», оседлавшая красную тушу «North American Confederation». Мексиканская стена на нижней границе НАС была показана ядовито-желтым пунктиром.

— Продолжаются массовые столкновения на границе Североамериканской Конфедерации и велферленда «Калифорния-2», — прочиркала золотая птичка. — По нашим данным, конфликт связан с требованием жителей велферленда вешать двух белых каждый раз, когда в Конфедерации вешают одного черного. По некоторым сведениям, требование прежде негласно выполнялось — но белых для этой цели поставляли из Евросоюза, и обитатели велферленда недовольны их низким расовым качеством» [Пелевин 2017: 97].

В романе «S.N.U.F.F.» один из двух центральных персонажей Грым до поры до времени знает только почвеннический образ жизни орков. Они используют в качестве государственного символа «спастику», отсылающую не столько к гитлеровским идеологическим установкам, сколько к поискам современных славянофилов. В качестве официального языка применяется псевдоизначальный верхне-сибирский, смехотворный в своей искусственности. Случайное прозрение юноши и выход в реальность висящих над землей «офшаров» — средоточия технократического образа жизни, устроенного по «западным» ценностям, — оказывается бесплодным, выбрасываемым из одной системы подавления в другую. В конце романа Грым удается по первоначальной пелевинской схеме найти третий путь, улететь на воздушном шаре в вольные леса к людям, внешность и образ жизни которых соответствует традициям эзотерических практик либо этнического фэнтези. Однако истинным протагонистом в романе выступает не юный естественный человек, у которого «всё впереди», а матёрый журналист Дамилола, ему оптимистический финал не предоставляется, поскольку он намертво впаян в систему. В романах «Любовь к трём цукербринам», «Лампа Мафусаила» и «iPhuck 10» базовой становится развивающая этот вектор фигура умного циника. В условиях бинарности идеологических матриц он не выбирает окончательно ни одну из них, но эксплуатирует обе. Названная бинарность заявлена уже в заголовке романа «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами» и она разрастается до — буквально — вселенских масштабов, поскольку противостоят друг другу не только «вата»/чекисты и «цивилизация»/масоны, личины которых на-

девает герой для зарабатывания денег в качестве публициста. За двумя воюющими мировоззрениями встаёт космический конфликт двух древних рас: «зловредной расы космических рептилий, с которой наши американские партнеры наладили контакт» и бородачей, которые, как Россия живут только в прошлом и будущем. «А вот с настоящим сложнее» [Пелевин 2016: 142].

В новом романе Пелевина «iPhuck 10» балансир смехового заметно смещается в сторону Соединенных Безопасных Пространств Америки. Объяснить это можно тем, что западная идеология толерантности и разнообразия для Пелевина на сегодняшний день наиболее жизнеспособная и мощная навязывающая свои установки подавляющая сила, которая грозит не только личности, но и жизни маленького человека. Главная героиня романа в момент своей экзистенциальной катастрофы сталкивается с гомерической материализацией этой силы: «И тут из темной дыры вдруг легко выехал какой-то большой белый объект, похожий на танк с поднятой в небо пушкой. <...> Это была большая белая русская печь – опрятная и ладная, словно из какого-то редкого русофильского мультфильма. Ее бока были густо покрыты позитивной толерантной символикой. Здесь были радужные кольца, от которых отходили женские кресты и мужские стрелки, слово «coexist», собранное из исламского полумесяца, пасифика, моголеновида и креста, такое же по составу «celebrate diversity», антифашистские свастики из четырех пересекающихся ладоней, прогрессивные китайские иероглифы и еще какие-то похожие на снежинки символы с загадочным, но добрым смыслом. <...> На печи сидел локализованный для России diversity manager айфака-10 – веселый негр Емеля Разнообразный в радужных шароварах и ушанке, с балалайкою в руках. Рядом с ним стояла большая тарелка с дымящимися блинами» [Пелевин 2017: 393-394].

Я подошла к важному для понимания поздней поэтики Пелевина отказу от однозначной мировоззренческой позиции – варианту декартовского метода радикального сомнения, предполагающего постановку под сомнение тотально всего как основополагающий принцип познания. У Пелевина он часто облекается в формы «перелогинивания» – высказываний с противоположных мировоззренческих позиций, как бы от лица разных аватаров, с разных аккаунтов. Перелогинивание имеет и прямые сюжетные воплощения. Переключается с аккаунта на аккаунт в фейсбуке один из протагонистов «Любви к трём цукербринам» в спорах в интернете. Пишет статьи и «за вату» и «за цивилизацию» герой

«Лампы». Традиционное для Пелевина заявление, предворяющее многие его поздние тексты, варьирующееся, но остающееся неизменным по сути, таково: «Автор не обязательно разделяет религиозные, метафизические, политические, эстетические, национальные, фармакологические и прочие оценки и мнения, высказываемые персонажами книги, ее лирическими героями и фигурами рассказчиков» [Пелевин 2010: 3]. Витиеватая банальность предупреждения наводит на мысль о его лукавстве. Как говорит беспринципный обозреватель в «Лампе»: «Все расщепленные в моей голове смыслы находили применение» [Пелевин 2016: 44]. Все, самые неожиданные, скандальные, нетолерантные, наивные, жизнеутверждающие или мрачные пассажи, подаваемые от лица сколь угодно симпатичных или одиозных персонажей, в поздних романах Пелевина выражают суть авторской позиции — не занимать однозначной позиции, ибо любая однозначность рано или поздно порождает идеологический плен.

Список литературы

1. Пелевин В. Жёлтая стрела // Пелевин В. Сочинения: В 2 т.: Т. 2. М.: Terra, 1996. 384 с.
2. Пелевин В. Операция Burning Bush // Пелевин В. Ананасная вода для прекрасной дамы. М.: Эксмо, 2010. 352 с.
3. Пелевин В. Чапаев и Пустота. М.: Вагриус, 1998. 399 с.
4. Пелевин В. Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами. М.: Эксмо, 2016. 416 с.
5. Пелевин В. iPhuck 10. М., 2017. 416 с.

G.V. Zalomkina
(Samara)

DEMOLITION OF IDEOLOGICAL CAPTIVITY AS THE KEY MESSAGE OF VICTOR PELEVIN'S TEXTS

Abstract: *basic for Victor Pelevin's works is the motif of going beyond the limits of perception and acquiring knowledge independent of the picture of the world imposed on the hero. This motif is studied as a philosophical vector aimed at the deconstruction of any ideology sophisticated and powerful enough to subdue a person's world view dipping them into the 'matrix' of distorted notions.*

Keywords: *consumeristic, transcendent, deconstruction, matrix, iPhuck 10, author's attitude.*